

БУМАЖНАЯ ИКОНКА

Инна Ким

Тихо-тихо. Только перезимовавшая муха в окошке жужжит. Радуетеся капающему с сосулк солнцу. Между стёклами пыльным сугробом топорщитс вата. Там летняя муха продрыхла всю зимнюю спячку без задних ног. А теперь в окошке тесно и горячо. Будто солнце до горлышка наполнило рамы.

Мне лет восемь. Я дома одна. Достала мамину коробку с «сокровищами»: фотографиями с бабушкиных похорон; штопаной-перештопаной бумажной иконкой. Трогаю подушечками пальцев ветхую бумажку — как слепая. Глажу. Улыбаюсь.

Та мягкая, шершавая. С неумелыми нитяными стежками, сделанными солдатской — дедовой — рукой.

Словно вижу: серый от усталости войны, худой сутулый человек что-то горячо шепчет над иконкой.

Уговаривает большеглазую грустную женщину с младенчиком на руках: чтобы помогла ему вернуться домой.

Инна Ким — корреспондент NK-TV.COM, Кемеровская область

У

моего деда были знакомые имя и воинское звание — солдат Иван.

Война догнала его в 1949-м — он скончался на больничной койке. Оставшаяся без помощи бабушка подняла в оди-

ночку троих детей. Я помню её только по туманным, будто проступающим из небытия чёрно-белым фотографиям: она умерла от сердечного приступа.

В общем, все мои детские вопросы «про войну» так и остались без ответа. Так уж вышло, что рядом со мной не оказалось родных людей, которые могли бы рассказать, как же всё это было на самом деле.

А мне их так не хватало! Бабушки, дедушки... И сейчас не хватает! Взрослая женщина, я до сих пор смотрю на чужих стариков тоскующими глазами восьмилетней девочки.

И всё время о них пишу: не дожидаясь годовщин. Хочу, чтобы остались живыми их голоса!

С каждой новой весной эти голоса всё тише. Солдаты и солдатки, герои и дети войны уходят от нас всё дальше. Любая встреча — как последняя. Редкая. Радостная.

Мои герои всегда смущаются: «Вы, наверное, торопитесь?» Привыкли, что их внуки, правнуки постоянно куда-то бегут, отмахиваясь от докучливых стариковских воспоминаний. А я устраиваюсь поудобнее, достаю блокнот, диктофон — и час, второй, третий, волнуюсь, задаю свои нескончаемые детские вопросы.

Наговоришься до сладости: какая бывала в детстве после долгих слёз. А потом ещё ищешь документы войны: в интернете, книгах, сохранившихся рассказах очевидцев. Чтобы уточнить, обхватить всю «картинку». Человеческая память, она такая: из неё ведь многое выметает жизнь.

Вот писала я про блокадницу, ленинградку... Героиня очерка «Ленинградские сосны Зенковского парка» — 80-летняя жительница маленького кузбасского Прокопьевска Людмила Станиславовна Мысякина — о блокаде помнила мало. Ей же не было и трёх лет!

Но свой детский ужас запомнила. И как выли сирены. И пустырь за детским домом, куда свозили тела умерших.

Детдомовские дети ходили на них посмотреть. При виде мертвецов никто не испытывал страха. Кроме постоянного голода, не осталось никаких чувств. Они разучились бояться, плакать, улыбаться.

Ещё в памяти Людмилы Станиславовны остался несмолкающий стук колёс: поезд со спасёнными из блокадного Ленинграда сиротами прибыл на станцию Зенково — сегодняшний Прокопьевск — 3 октября 1942 года.

Но ярче всего в память врезался самый лучший день — 9 мая 45-го. Тогда зенковцы принесли ленинградским детям разносы с невиданными пельменями!

Уже в конце лета маленьких сирот вернули обратно в Ленинград и распределили по разным детским домам. На прощание они посадили 11 сосен в Зенковском парке. Удивительно, но все они прижились и выросли!

А в 16 лет, выучившись в Ленинградском хореографическом училище имени Вагановой, Люда вернулась в шахтёрский городок. Девочка мечтала танцевать Золушку и Одетту для людей, которые жалели её и подкармливали. Правда, вместо балетного станка ей пришлось встать за токарный. Потом она окончила физкультурный техникум и курсы лечебного массажа.

Людмилу Станиславовну Мысякину в Прокопьевске знают хорошо. Она помогает малышам с ДЦП. Радует, когда у её подопечных начинают сгибаться и разгибаться пальчики. Берётся только за самые тяжёлые случаи, когда больше неоткуда ждать помощи.

Жительница Чебулинского района Анна Фёдоровна Коношенко — героиня очерка «Победе посвящается! Аня» — тоже помнит 9 мая 45-го. Будто это было только вчера! Тогда на улицах обнимались даже незнакомые. И пятнадцатилетняя Аня обнималась. Было солнечно и тепло. Из чёрных тарелок на столбах лилась красивая музыка. Прохожие пели и плакали.

Она родилась в запорожском селе Чапаевка в Украине. Мать работала в совхозе, отец — на железной дороге. Когда началась война, семья его практиче-

ски не видела: в Сибирь один за другим отправлялись эшелоны с эвакуируемым заводским оборудованием. А вскоре отец и брат Анечки были призваны на фронт.

Война пришла прямо к ним. Гремели взрывы. Ревела и визжала скотина. Пули — как купающиеся в пыли стрижи — взмётывали на дороге высокие жёлтые фонтанчики. Деревня была в чёрном дыму. Горели хаты, горел хлеб.

Жители Чапаевки начали голодать. В 11 лет Аня весила всего 29 килограммов. Ребята ходили собирать гнилую картошку, горелое зерно. Однажды сверху зашёл немецкий самолёт — и начал расстреливать детей. Многих убил. Рёв в деревне был несусветный. А тут и немцы пришли.

«Меня три раза расстреливали, — рассказывала Анна Фёдоровна Конюшенко. — Однажды мама послала за водой, а колодец наш находился на другом конце деревни. Я и не знала, что начался комендантский час, только слышу, как над головой что-то звенькает. Слава богу, догадалась упасть и в кусты отползти, а на следующий день мама вырезала ножичком из брёвен колодца три пули».

После освобождения Запорожья Аня пошла учиться на фельдшера — там давали хлеб. Девочка ещё долго не могла наестся. Получая стипендию, вместе с подружками покупала в складчину хлеб у пленных немцев.

Город наводнили инвалиды — комиссованные с войны. Безногие и безрукие, ослепшие, контуженные выпрашивали хлебушек да рублик на водочку. Ане думалось, что человек с двумя руками и двумя ногами — это какая-то диковина.

После выпуска девятнадцатилетнюю Аню направили в Сибирь. Она стала фельдшером в Сиблаге.

С участка на участок ходила пешком — это десятки километров в течение одного дня.

«На зоне находились шесть тысяч осуждённых, здесь служили солдаты-срочники, а в посёлке жили ещё триста человек, и я лечила их всех, — вспоминала Анна Фёдоровна Конюшенко. — Как-то одна наркоманка требовала с меня теофедрин. Подошла вразвалочку, ощерилась: "Тебя щас резать или потом?" Я ей отвечаю: "Режь сейчас". Думала, смерть моя пришла, но та женщина меня отпустила».

Поселенцы на своего фельдшера не только нападали, но и приходили в ФАП выплакаться. А она ста-

ралась в каждом человеке разглядеть добро, выслушать его и пожалеть.

По признанию Анны Фёдоровны, за день у неё столько отрицательной энергии накапливалось, что готова была надломиться. Тогда она брала удочку и шла на Кию рыбачить.

Её трудовой стаж не прерывался с 1947 года. Сколько она родов за эти годы приняла! А три года назад ФАПы были упразднены. Только фельдшер не покинула свой «боевой пост», а стала уполномоченным домового хозяйства.

До недавнего времени она ежедневно ходила по здешним дворам. Кому-то давление померит, с кем-то поговорит, что-то посоветует, а в случае необходимости — вызовет скорую помощь. За свою работу 91-летняя Анна Фёдоровна Конюшенко получала 1000 рублей в месяц.

Ещё один удивительный человек — герой очерка «В списках не значится: судьба сержанта Савченко» — вроде бы и не совершил на фронте никаких подвигов... Василий Петрович «просто» прошёл пешком через войну — в буквальном смысле!

И когда я думаю о нём — уже умершем, — словно вижу его искрящиеся смешинками глаза, снова слышу его голос...

«Родился я в советской Белоруссии в селе Бороньки. Потом родители перебрались в станицу Старолеушковскую Краснодарского края. Там тоже работали в колхозе. Было у меня три сестры. Когда началась война, я уже учился в 9-м классе. Немец быстро наступал, взял Дон, и нас, всех мальчишек, отправили рыть траншеи. Мама плакала. Я ведь с детства болел очень. Всё время с ангиной. Как же такой слабенький сыночек — и вдруг в холодных мокрых траншеях? Боялась за меня, что не выдержу...»

Вася копал противотанковые рвы, пока ему не исполнилось 18. Потом мальчишку направили в стрелковую дивизию, оборонявшую Крым. Там он, оглушённый, попал в плен. Чуть не умер от тифа. Пережил концлагеря Польши, Германии: нечеловеческий голод, рабский труд. Бежал. Попал к нашим. И опять шёл пешком: из Берлина на родину!

Вот только домой его не пустили, а отправили в Кузбасс. Так и не привелось ему исполнить свою детскую мечту стать художником. Вместо кисточек

*Людмила Станиславовна Мысякина (слева)
Анна Фёдоровна Конюшенко
Бульвар Героев в Новокузнецке
Екатерина Ивановна Алисова*

Ленинградские сосны

парень взял в руки отбойный молоток. Его уважали, премировали, награждали. Вырастил с любимой женой дочку-радость Надежду. Родилась внучка Ира — отзывчивая, добрая девочка.

И до самого последнего дня сержант Великой Отечественной Василий Петрович Савченко помнил в мельчайших подробностях, как копал траншеи, воевал, умирал... Но не жалел себя, а всё время над собой подсмеивался!

Он с улыбкой рассказывал о вещах, которые страшно даже представить. Старенький. Большой. Глухой после взрыва на берегу Керченского залива. За несколько лет до смерти его парализовало. Но он снова выкарабкался, как выкарабкивался из объятий смерти множество раз на той войне. Ходил, хотя и с палочкой. По утрам делал зарядку.

Ничто не смогло его сломить. Народ таких вот Савченко, Мысякиных, Конюшенко действительно невозможно было победить.

Только с каждым годом всё меньше тех, кто знает правду о войне. Страшную. Горькую. Выворачивающую наизнанку. И я тороплюсь!

Около месяца назад я познакомилась с Екатериной

Ивановной Алисовой — в нынешнем январе ей исполнилось 90 лет. В однокомнатной квартирке — чистота и порядок. Везде ухоженные комнатные цветы. Сама как шустрая птичка-невеличка. К приходу гостей, по которым сучает, всегда наводит блины.

Так появился мой новый очерк — «Дети войны: Катя». О том, как десятилетняя девчонка из алтайского колхоза «Герой труда» наравне со взрослыми копала большие поля на Водясовой гриве. И норма у неё была, как у взрослой: шесть гектаров.

Как она от усталости засыпала прямо на поле. Как вечером носила за больную маму похоронки — и плакала вместе с солдатками.

Как боронила верхом на быке Мишке, а он вреднючий был — страсть! Мог в овраг, колею какую зайти и ни ногой оттуда. А как его вытащишь, если в нём семьсот кило живого веса? Наплачешься с ним. Катя уж и хлебужком выманивала. Упрашивала по-всякому. Нет!

«Это надо по школам до учеников доводить. Чтобы помнили!» — говорят мои читатели. Дети и внуки моих героев благодарят: «Спасибо за маму!» (за отца, за деда). Не скрою, от такой оценки радостно на душе. Значит, всё правильно делаю.

А главному человеку, для кого я это делаю, в нынешнем году будет 18 лет. Она, моя дочка, свои первые трогательно-неуклюжие шажки сделала в конце октября 2003 года, и уже 9 мая 2004-го, когда ей исполнился 1 год и 4 месяца, а победе — 59 лет, вся наша семья самостоятельно (ногами и ножками!) отправилась на городской бульвар Героев.

Я пишу, пишу... Чтобы вместе с поколением победителей не ушла наша общая память о той страшной войне и Великой Победе, за которую мой народ заплатил сполна. И чтобы продолжали звучать навсегда живые голоса Василия Петровича, Людмилы Станиславовны, Анны Фёдоровны, Екатерины Ивановны...

Чтобы моя дочка помнила! И хранила бумажную иконку с большеглазой грустной женщиной, которую солдат Иван уговаривал помочь ему вернуться с войны.

&